

В.М.Иванов
Екатеринбург

Народные снотолкования и приметы в аспекте их лингвокогнитивной природы и специфики восприятия

Толкование сновидений – один из древних гадательных жанров, связанный с интерпретацией увиденного во сне применительно к будущим событиям человеческой жизни. «Прогностическая» информация закрепляется снотолкованием в виде устойчивой языковой формулы. В составе этой формулы выделяются слово-символ (ключевой элемент сновидения) и соотносительные с ним вербальные «интерпретанты», фиксирующие результат специфической переработки информации (содержания сна) в проекции на мир яви.

Специфика снотолкования в ряду других разновидностей гадательных жанров до сих не сформулирована в научных исследованиях с достаточной определенностью. Снотолкование чаще всего характеризуется как разновидность *приметы* (А.Н. Афанасьев, М.Л. Лурье, Т.С. Садова, О.Б. Христофорова и др.). Возможность подобного подхода объясняется структурно-семантическим и функциональным сходством данных жанровых форм.

В частности, различные дефиниции, характеризующие примету как особую форму организации человеческого поведения, либо *включают* в себя снотолкования, либо это *включение* является потенциально допустимым. Под один тип (при широком понимании приметы) подводятся «такие малые фольклорные формы, как собственно приметы, толкования снов (подчеркнуто нами. – В.И.) и некоторые другие виды текстов, основная прагматическая функция которых – информативная» [Христофорова 1998]. Ср. также определение приметы как «некой речевой сентенции, заключающей в себе итог наблюдений за соотношениями знаков, обнаруженных в самых разных областях жизни человека и призванных представить окружающий мир своеобразным «клубком» соотношений и связей» [Садова 2003: 95], в которое

вполне могло бы «вписаться» снотолкование. Добавим к этому, что снотолкования могут транслировать приметы без всякого изменения: так, *черная кошка*, увиденная во сне, – знак *невезения, недоброе предзнаменование*.

Для характеристики семантической структуры снотолкования оказываются значимыми многие составляющие приметы. Ср., в частности, выделяемые Н.И. Коноваловой основные когнитивные предпосылки, определяющие функционирование примет как особой формы прогноза:

- ✓ информация, включающая описание исходной, прогнозирующей ситуации;
- ✓ интерпретация полученной информации с учетом существенных для интерпретатора и адресата сообщения пропозиций;
- ✓ оценка, основанная на народной аксиологии, учитывающая в большей степени не индивидуальный, а коллективный опыт рефлексии по поводу прототипических ситуаций;
- ✓ прогноз, представляющий собой описание типизированного результата типизированной ситуации;
- ✓ регламентация, являющаяся частью прогноза и предписывающая адресату определенные действия «post factum» в рамках описанной <...> ситуации [Коновалова 2002].

Снотолкование, как и примета, представляет собой двухчастную структуру, в составе которой выделяются интерпретируемая и интерпретирующая части. *Интерпретируемая часть* содержит исходную для сновиденческого прогноза информацию (последняя репрезентирована ключевым знаком сна и/или словом-символом и его ситуативными вербальными конкретизаторами). Потенциальная актуализация этой информации обусловлена когнитивными пропозициями – знанием значения слова-символа и типовыми представлениями об обозначаемом, закрепленными как ассоциативные стереотипы, основанные на обыденной, народной аксиологии. *Интерпретирующая часть* содержит объяснение значения сновиденческого символа (образа, знака сна) на основе типизированных ассоциативных (в частности антропоморфных и зооморфных) аналогий и ситуативных «привязок». Ср.: *крот во сне означает человека со слабым зрением или тяжелый труд, приносящий скудные заработки. Иногда крот во сне указывает на наличие тайных врагов. Такой сон*

предсказывает вам, что всплывут ваши темные дела [НСС 2003]. В основе приведенных толкований лежат вполне выводимые когнитивные и оценочные пропозиции и ассоциативные (зооморфные) аналогии (ср.: *слепой, как крот* – человек со слабым зрением; *рыть нору – трудиться, как крот* – тяжелый труд; *тратить много усилий на выкапывание узкой норы, как крот* – скудный заработок; *жить в темной норе, долгое время не выходить из норы*; ср.: *зарыться, как крот в нору* – скрываться от врагов, скрывать «темные дела»).

Общим для примет и снотолкований является **оценочный характер** интерпретации. Любая информация о типизированной ситуации может быть рассмотрена либо как оценочная, либо как безоценочная (представляющая собой констатацию того или иного явления, но не содержащая в себе явно выраженной оценки). Оценочность информации обуславливает характер прогноза как благоприятного / неблагоприятного для адресата (приметы или снотолкования) или же как не содержащего прямого оценочного указания. Ср., например, приметы: *черные тараканы в доме – к богатству*; *тараканы ползут из дома – к пожару* [ЭПС: 255], и снотолкования: *тараканы – к неприятностям* [Сны... 1904]; *к распространению сплетен* [Сонник 1887, Сны... 1904]; *к веселью и радости* [Один... 1896, Сонник 1912, НУС 1998].

Наряду с отмеченными чертами сходства между приметой и снотолкованием имеются существенные отличия, которые позволяют дифференцировать данные жанры в рамках предсказательной традиции.

Снотолкование принципиально отличается от приметы как по характеру (источнику) информации, выступающей основой для прогноза, так и по способу ее интерпретации: в примете описывается ситуация «яви» (реальность, окружающая человека), получающая интерпретацию преимущественно на основе реальных (длительных) наблюдений над последовательностью определенных событий; увиденное во сне представляет собой «ирреальную реальность», которая условно проецируется на «возможные» события и типовые жизненные ситуации. Это обстоятельство, правда, не отменяет функционального сходства приметы и снотолкования, содержащих прогноз относительно

возможных последствий увиденного (произошедшего) во сне или наяву. «Сновидения – это та же примета, только усмотренная не наяву, а во сне», – указывает А.Н. Афанасьев [Афанасьев 1865 Т. I: 242]. Но содержание прогноза (прежде всего, с точки зрения его достоверности) в примете и снотолковании все же разное, даже применительно к интерпретации одной и той же информации. Ср., например, примету: *муравьи суеются около муравейника – к дождю* [ЭПС: 83] и снотолкования, дающие прогноз на основе той же исходной ситуации: *муравьи, делающие муравейник – здоровье и прибыль* [Новый... 1882]; *видеть во сне муравьев – к богатству* [Полный... 1892]. Ср. также: *муравьев видеть во сне – предвещает честь* [Снотолкователь 1859]; *муравьи – почет или опасность в дороге* [Полнейший... 1872].

В основе сновиденческого прогноза лежит узаконенная традицией «условность» интерпретации, ассоциативно-символическая «обработка» исходной информации. Иначе говоря, в приметах «реалии выступают не в качестве образов, а в своем основном значении» [Пермяков 1970: 86-87] (например: *кошка садится к теплу или в клубок свернулась – к холодам* [ЭПС: 134]), в снотолкованиях увиденные во сне предметы, явления (а также типовые ситуации их представления) объясняются как **символы**. Ср.: *видеть во сне кошку – нарушение супружеской верности* [Полнейший... 1872]. *Слушать во сне мяуканье кошки – обман* [Сонник 1886]. *Ловить кошку – сплетни, открытие сплетен* [Сонник 1886, Сонник 1887]. Общая интерпретационная тактика сближает толкования сновидений с так называемыми «суеверными приметами», в которых «поле “настоящего” не есть причина поля будущего, а его знак» [Садова 2003]. Ср.: *не качай ногами – черта приманишь* [ЭПС: 35] и др.

Приметы и снотолкования отличаются друг от друга и по языковым (грамматическим) способам представления интерпретируемого элемента.

В приметах ключевым вербализованным элементом прогнозирующей ситуации является глагол (несущий информацию о действии, событии как признаке определенной ситуации, влекущей за собой определенные последствия). Например, *носить одежду не на ту сторону – быть битым, иметь неприятности. Мыши изгрызут одежду – к смерти* [ЭПС: 179] и т.д.

В снотолковании вербализованный ключевой символ сна репрезентирован преимущественно субстантивом, имеющим типизированный обобщенно-символический смысл. Группа символов, называющих признак или действие, немногочисленна (в сонниках XIX в. она практически не представлена, а в современных, по нашим данным, занимает около 15-20% от количества всех объясняемых знаков). Однако в реализации ситуативных смыслов символа, выраженного субстантивом, активную «позицию» занимают акциональные и признаковые актуализаторы знака сна, что зачастую не только вносит какой-то дополнительный оттенок в его объяснение, но и полностью меняет направление интерпретации. Например, *собака – благополучие* [Сны... 1904]; *лающая собака – опасность* [Полнейший... 1872]. В подобных случаях может акцентироваться символика признакового слова, выступающего конкретизатором субстантива: *белая собака – свидание с верным другом* [Сонник 1870]; *черная – измена или коварство друга* [Снотолкователь 1859]. Ср. символику цветовых прилагательных *черный – белый* как ранжированных по оценочной шкале *плохой – хороший*.

На основе соотношения интерпретируемой и интерпретирующей частей приметы и снотолкования объединяются явлениями *многозначности* и *синонимии*. Явление многозначности в рамках рассматриваемых жанровых форм заключается в том, что любой из интерпретируемых элементов (предмет, ситуация, символ) может продуцировать разные направления прогноза. Это общее свойство примет и снотолкований. Ср., например, приметы и снотолкования, связанные с образом *кошки*. Приметы: *кошка на человека тянется – к обнове. Кошка моется – гостей намывает. Лижет лапу, моется – к хорошей погоде; лижет тело, хвост – к ненастью. Если кошка играет и мяукает – будет дождь. Кошка садится к теплу или в клубок свернулась – к холодам. Кошка крепко спит, лежит брюхом вверх – к теплу. Скрежет пол – на ветер, метель; стену – к непогоде; морду прячет – к морозу или ненастью* [ЭПС: 134] и т.д. Снотолкования: *кошки – лстивые и хитрые друзья* [Сонник 1908]; *ласки кошки – недоверие* [Сонник 1886]; *ловить кошку – сплетни, открытие сплетен* [Сонник 1887, Сонник 1886]; *кошачьи игры –*

открытие злоумышленников [Сонник 1886]; *мертвая кошка – удаление неприятной личности* [Сонник 1886] и т.д.

Однако многозначность примет и толкований имеет разную природу. В приметах многозначность определяется устойчивой последовательностью каких-то реальных (наблюдаемых человеком) событий, формирующих разные когнитивные пропозиции, соотносительные с той или иной ситуацией, возможностью «извлечения» из одной и той же ситуации различных сведений (в частности, по поведению животных судят и о том, какая будет погода, см. приведенные выше приметы). Многозначность сновиденческого символа – это его «онтологическое» свойство, заданное многомерной ассоциативной валентностью знака и обозначаемого им денотата в сознании носителей определенной культуры. Так, на основе представления о слоне как *большом, крупном, грузном* животном у слова развивается сновиденческая символика *опасности* [Полнейший... 1872, НСС 2003], *богатства* [Новый... 1882, Сонник 1912, НУС 1998, НСС 2003], *уважения и признания* [Полный... 1892, НУС 1998, БТС 2000, ч. 1].

Явление **синонимии** как в системе примет, так и в системе снотолкований, выражается в том, что один и тот же прогноз основывается на разной информации о типовых ситуациях и базируется на разных пропозициях.

Сущность «предсказательной синонимии» определяется прагматикой жанра примет и снотолкований, интерпретация которых ориентирована на получение актуальной информации о типизированных ситуациях человеческой жизни. Ср. некоторые из толкуемых в сонниках слов, символизирующих *ссору* [НСС 2003]: зооморфные номинации (*баран, петух* и др.); фитонимические и миконимические номинации (*калина, орех, тысячелистник, чеснок, яблоко* и др.); соматические номинации (*борода, волосы, слепые или косые глаза, сухие и потрескавшиеся губы* и др.); слова, называющие артефакты (*булавка, иголка, наперсток, гребенка, веник, метла, нож, ножницы* и др.); слова, называющие действия (*разговаривать, уколоться, расчесывать, рассыпать* (соль, крупу и т.п.), *мести* и др.) и т.д. Синонимия распространена в соннике и среди слов одной ТГ: например, птицы семейства вороновых символизируют *несчастья, неприятности, горестные вести, смерть*. Ср.: *видеть кричащего грача –*

чья-нибудь смерть в доме [Снотолкователь 1859]; грач – получите известие об умершем [БТС 2000, ч. 1]; крик галки – неприятность [Полный... 1892]; видеть галку и слышать ее галдеж – к надвигающейся болезни [БТС 2000, ч.2]; ворона – к горю [Один... 1896, Сны... 1904]; ворона – печальные вести [Сонник 1908, Сонник 1912, НУС 1998]; ворон, летающий над головой – смерть [Сонник 1887, Толкование 1911], ворон – к покойнику [Сонник 1886, Сонник 1887] и др.

Общим для примет и снотолкований является **обобщенный характер адресата информации**, получаемой в результате интерпретации. В данных предсказательных жанрах информация «обычно не сопровождается указанием на то, кому именно она адресована. Любой носитель традиции может получить эту информацию и расценить ее как относящуюся именно к нему или скорректировать собственное поведение в соответствии с тем, о чем сообщается» [Христофорова 1998]. Специфика снотолкования заключается, однако, в наличии «адресно» маркированных интерпретаций – это так называемые толкования для мужчин, для женщин, для влюбленных, для больных и т.п., что, однако, не противоречит типовому характеру адресата подобных объяснений.

При сопоставлении примет и снотолкований следует остановиться и на вопросе о *психологической специфике восприятия* носителями языка заключенного в данных жанрах **прогноза**. Приметы и снотолкования отличаются *отношением* носителя обыденного сознания к **прогнозу**, заключенному в них. Примета – итог обобщения народного опыта и социально осознанное знание: «Владение народной приметой есть результат социального навыка поведения и рождает навык поведения» [Рождественский 1970: 227]. Снотолкование также представляет собой итог обобщения народного опыта, однако отношение к объяснению снов носит более субъективный характер, который определяется индивидуально-личностным подходом к восприятию предлагаемого прогноза (либо же к самой необходимости или потребности в их объяснении).

Общим для примет и снотолкований является **актуальный характер получаемой в процессе интерпретации информации**. Актуальной для человека выступает «та информация, кото-

рая необходима ему для корректировки своего дальнейшего поведения или для осмысления пережитого. <...> Человек чаще всего стремится получить и получает именно ту информацию, которую он ждет, на которую, так сказать, настроен» [Христофорова 1998]. Отличие примет от снотолкований является то, что на основе информации, содержащейся в примете, носитель обыденного сознания может скорректировать свое поведение (ср. формулу предостережения: не совершай то или иное действие – тогда ничего не произойдет и т.п.), а на основе информации, базирующейся на интерпретации сновидений, он может только приготовиться к благоприятным или неблагоприятным событиям.

У примет, в отличие от снотолкований, наличествует *регламентация, представляющая собой часть прогноза и предписывающая адресату определенные действия «post factum»* в рамках описываемой ситуации. Примета в сознании носителей языка выступает такой формой познания окружающей действительности, которая позволяет человеку «нивелировать» неблагоприятный характер предсказания на основе выполнения «определенных действий в определенное время в определенном месте» [Коновалова 2002: 50]. Ср. характеристику народных примет как свободных «правил прогнозирования будущих ситуаций или будущих действий, когда наличная ситуация уже опознана и известна» [Рождественский 1970: 226]. Например: *Заяц перебежит дорогу – к несчастью; ему во след говорят: «Тебе пень да колода, нам путь да дорога»* [ЭПС: 103]. *Если кот перешел дорогу, нужно подержаться за пуговицу* [ЭПС: 133]. *Ночной собачий вой (если собака воев книзу, к земле) – к покойнику. Чтобы избежать беды, нужно перевернуть подушку и сказать: «На свою голову».* *После этого собака замолкнет* [ЭПС: 241]. *Рассыпать нечаянно соль – к ссоре. Чтобы ее избежать, нужно на рассыпанной соли пальцем нарисовать крестик; можно посыпать голову или рассмеяться, или ударить себя по лбу, или кинуть через левое плечо три щепотки соли* [ЭПС: 244] и др.

Толкования сновидений не содержат конкретных регламентаций поведения адресата в прогнозируемой ситуации. В отличие от приметы, снотолкование ничего не предписывает адресату в плане конкретных действий и не содержит в себе указаний,

нацеленных на снятие неблагоприятного прогноза. Однако для того, чтобы «нивелировать» любое неблагоприятное предзнаменование, в народном понимании существует определенная система действий, значимых и для интерпретации сновидений: «Если приснится сон, предвещающий нечто плохое, <...> надо об этом сне рассказать как можно большему количеству людей, чтобы грядущее нежелательное событие нейтрализовалось: произошло в более легкой форме или вообще не произошло в физическом плане (так как реализовалось уже на вербальном уровне)» [Запорожец 2002: 113].

При сравнении приметы и снотолкования целесообразным является обращение к вопросу о *функциях*, которые данные жанры выполняют в организации поведения носителя обыденного сознания. В научной литературе выделяются следующие общие для гадательных жанров функции:

- *прогнозирующая* (Т.С. Садова, В.К. Харченко) / *прогностическая* (С. Небжеговска, Г.Л. Пермяков, О.Б. Христофорова) *функция* (доминантная для всех гадательных жанров), суть которой заключается в предсказании будущего;

- *коммуникативная функция* (С. Небжеговска, Т.С. Садова). Эту функцию можно считать «синонимичной» *прогнозирующей*, поскольку «основная коммуникативная цель <снотолкования> прогнозировать будущее» [Небжеговска 1996: 292];

- *информативная функция* (О.Б. Христофорова) также соотносима с *прогнозирующей*, только содержание текстов, обладающих этой функцией, связано не с предсказанием будущего, а предоставлением человеку информации об уже свершившихся событиях. Ср. также *констатирующую функцию*, суть которой заключается в напоминании о «традиционном знании» (Т.С. Садова);

- *регулирующая* (О.Б. Христофорова) / *регуляторная* (В.К. Харченко, Т.С. Садова) *функция*. При широком понимании обладающие этой функцией тексты представляют собой «модель интерпретации», на основе которой человек может выстраивать свое поведение или готовиться к ожидающим его событиям (О.Б. Христофорова). Ср. также *организаторскую функ-*

цию (С. Небжеговска), суть которой заключается в организации человеческого поведения;

- *воспитывающая* (В.К. Харченко) / *воспитательная* (Т.С. Садова) *функция* связана с отражением в прогностическом тексте нравственных и поведенческих стереотипов, принятых в народной культуре. В.К. Харченко указывает также, что многомерность развития жизненных ситуаций, заложенная в прогностических жанрах, порождает энтропию (осознание жизненной перспективы как деятельности в поле возможностей).

Снотолкование обладает практически всеми отмеченными функциями, предсказательных жанров:

- *прогнозирующей* <прогностической, коммуникативной> (например, *бык – знак трудолюбия* [Новейший... 1881], *бык – к благополучию* [Сонник 1887]);

- *информативной* <констатирующей> (ср.: *мышь – кто-то из ваших близких затаил на вас зло и пытается вредить вам* [НСС 2003]; *быть в окружении змей – окружающие вас люди в своем большинстве не желают вам добра* [НСС 2003]);

- *регулирующей* (в широком понимании О.Б. Христофоровой), соотносимой с организаторской функцией (например, *петух – вас ожидают радостные вести* [Сонник 1908, Сонник 1912, НУС 1998]; *крик петуха – получение известий, которые укажут вам, что наступил момент, который вы не должны упустить* [НСС 2003]). Приметы отличаются от снотолкований тем, что они могут выполнять узко регуляторную функцию. Например, 6 августа (День Бориса и Глеба) за жнивье не берутся, чтобы молния не ударила [ЭПС: 31] и др.;

- *воспитывающей* (в широком понимании): например, *скакать в обществе других ездоков на верховой лошади – предвещает счастье и прибыль* [Снотолкователь 1859]; *сытая лошадь – прибыль* [Сонник 1901, Сонник 1908]; *красивая и породистая лошадь – скорое улучшение благосостояния, ваше предприятие принесет доход; получение высокого чина и всеобщего одобрения* [НСС 2003]; ср. также: *упавшая лошадь – разорение* [Новый... 1882, Сонник 1886, НСС 2003]; *больная, грязная или мертвая лошадь – позор, убытки, бедность, поражение* [НСС 2003]).

Таким образом, несмотря на общее типологическое сходство, приметы и снотолкования имеют целый ряд отличительных особенностей, что позволяет рассматривать их как взаимосвязанные, но все же **самостоятельные** жанры. Если примету и снотолкование представить в виде полевой структуры, то можно увидеть, что они образуют два пересекающихся структурно-семантических поля, **имеющих зону переходности**. Эту зону составляют общие структурно-содержательные и функциональные признаки рассматриваемых жанров; ориентация на обобщенный характер адресата и народную аксиологию, а также интерпретации сновидений, построенные на актуализации народных примет, а также «суеверные» приметы, не имеющие рационального обоснования. Например, *ловить зайца – неприятность, несчастье* [Сонник 1887, Толкование 1911]. Ср. суеверную примету: *заяц дорогу перебежит – к несчастью* [Д., Т. I: 670]. *Филин – неприятность* [Один... 1896]; *филин – не к добру, неприятность* [Сны... 1904]. Ср. примету: *филин да ворон злоеющие птицы, крик их – к несчастью* [Д., Т. IV: 534].

Литература

Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. – М., 1865. – Т.1.

Запорожец В.В. Сны и видения как часть ясновидения (по материалам, собранным в Москве летом 1998) // Сны и видения в народной культуре. Мифологический, религиозно-мистический и культурно-психологический аспекты / Сост. О.Б. Христофорова. Отв. ред. С.Ю. Неклюдов (серия «Традиция, текст, фольклор»). – М., 2002.

Коновалова Н.И. Язык примет: этнокультурные стереотипы // Язык. Система. Личность. Национально-культурные стереотипы сознания и их отражение в языке: Материалы докладов и сообщений Всероссийской научной конференции 25-26 апреля 2002. – Екатеринбург, 2002.

Лурье М.Л. Вещие сны и их толкование (на материале современной русской крестьянской традиции) // Сны и видения в народной культуре. Мифологический, религиозно-мистический и

культурно-психологический аспекты / Сост. О.Б. Христофорова. Отв. ред. С.Ю. Неклюдов (серия «Традиция, текст, фольклор»). – М., 2002.

Небжеговска С. Сонник как жанр польского фольклора // Славяноведенье. – 1994. – № 5.

Пермяков Г.Л. От поговорки до сказки: (Заметки по общей теории клише). – М., 1970.

Рождественский Ю.В. Что такое «теория клише»? // Пермяков Г.Л. От поговорки до сказки (заметки по общей теории клише). – М., 1970.

Садова Т.С. Народная примета как текст: лингвистический аспект. – СПб., 2003.

Харченко В.К. Язык народной приметы // Рус. яз. в школе. – 1992. – № 1.

Христофорова О.Б. Логика толкований (фольклор и моделирование поведения в архаических культурах). – М., 1998.

Список источников и словарей

БТС 2000 – Степанова Н.И. Большой толкователь снов. – М., 2000.

Д. – *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. – М., 1999. – Т. I-IV.

Новейший... 1881 – *Новейший сонник.* – М., 1881.

Новый... 1882 – *Новый толковый сонник, собрание различных снов по опытам столетних моих родственников.* – Изд. 3-е. – М., 1882.

НСС 2003 – Смурова О.Б. Новый семейный сонник. – М., 2003.

НУС 1998 – Новый универсальный сонник / Л. Зданович. – М., 1998.

Один... 1896 – *Один миллион 500.000 снов. Толкование снов, выбранных из сочинений знаменитых египетских и индийских мудрецов и астрономов, как-то Аполлония, Альбумазара, Сонциуса, Тихо-Браде, Мартына Задеки, Платона, Птоломея и известной французской снагадательницы госпожи Ленорман.* – М., 1896 // Толкователь снов. Репринт. воспроизведение изд. 1896 г. – М., 1989.

Полнейший... 1872 – *Полнейший сонник и истолкователь различных примет.* – СПб., 1872.

- Полный...* 1892 – *Полный сонник*. – М., 1892.
- Снотолкователь...* 1859 – *Снотолкователь* древних и новых астрологов, составленный по алфавиту. – М., 1859.
- Сны...* 1904 – *Сны* и их толкование. – СПб., 1904.
- Сонник 1870* – *Сонник* или толкование сновидений. – М., 1870.
- Сонник 1886* – *Сонник*. (Оракул). Предсказания снов. Сост. по указаниям лучших авторов и ученых древней и новой философии и герметике. – М., 1886.
- Сонник 1887* – *Сонник*. Самый полный и общедоступный. Собран из сочинений древних магов, средневековых астрологов и позднейших снотолкователей, а именно: Птоломия, Альбомазура, Адия, Тихобраго, Иоганна, Калиостра, Сведенборга, Брюса, Кенигебергера, Мартына Задеки и Ленорман. – М., 1887.
- Сонник 1901* – *Толкование* сновидений известного старца Мартына Задеки. – М., 1901.
- Сонник 1908* – *Сонник* или толкователь снов. – М., 1908.
- Сонник 1912* – *Мисс Хассэ*. Сон и сновидение. Научно объясненное толкование снов. – Варшава, 1912.
- Толкование 1911* – Толкование сновидений сто шестилетнего старца Мартына Задеки. – М., 1911.
- ЭПС – Ходеев Ф.П.* Энциклопедия примет и суеверий. – Ростов н/Д, 2001.

© Иванилов В.М., 2007